

*Дела давно минувших лет,
Преданье старины глубокой...*

Задолго до наступления Святков начались уже разговоры об них. Чем ближе подходило 25 декабря, тем более сборов. Русскому воину не нужно много приготовлений: он всегда и на все готов; но надобно же сделать удовлетворение привычке, вкоренившейся с малолетства — готовиться к праздникам. Вот он приготовился: как зеркало засветилось ружье его, заблестала амуниция, как будто лаком наведена; пуговицы вычищены и — молодец хоть на царский смотр!

«Вставайте! — кричали поднявшиеся тем, которые еще не совсем проснулись, — уже отзвонили к заутрене: пора в церковь». Кончилась служба, начались поздравления. «Куда нас Бог занес? — говорит рекрут. — Думали ль мы, братцы, в Персии праздновать святки? Что-то...» — «А почему бы и не думать, — прервал старый усач, стирая иней с нафабранных усов своих, — солдат и того не знает, где завтра будет. Нынешний год мы здесь потеребили Кизылбашей; а на будущий, кого Бог приведет, может быть, тот разговееется и в Царьграде. Послужи-ка, брат, так походишь по белому свету. Недаром говорят, что солдат похож на того старика, о котором рассказывают в сказках: что мигнуть не успеешь, а он и бог весть где».

Добрая крынка водки да сытный обед — и в самое горькое время оживляют солдата; а теперь и Бог велел веселиться. Мечталось ли когда-нибудь вам, прелестные обитательницы гарема, что стены темницы вашей, немые свидетели слез, стенания вашего, ваших томных воркований, будут оглашаться громким шумом веселия Русских воинов?

Помнишь ли, друг мой, то время беспечности, когда мы, юные гости в сем мире, не знали забот и вкушали удовольствия, не гонясь за счастьем. Когда от утех переходили к утехам и жизнь размеряли лишь играми? Ребенок плачет, но слезы его никогда не бывают убийственны; человек улыбается, но как часто улыбка сия грызет его душу!

Для нас каждый день был праздником; слыша однако, что старшие ждут каких-то особенных праздников.

Наступили праздники. Ждем не дождемся мы вечера; поданы свечи, и затеваются игры. Чинно уселись все на креслах, а мне достается прятать кольцо: как боюсь я, что скоро найдется оно; и тихо поет хор красных девушек: *Уже я золото хороню, хороню!..* И пристально смотрит отгадывающий, не написано ли на лице, у кого хранится сокровище? Прямо идет он в ту сторону, где оно спрятано, и — замерло мое сердце; но он ошибся, и с криком вспрыгиваю я от земли, и, при общем смехе, он снова должен выходить на середину. Набралось фантов довольно: пора их разыгрывать. На покрытый поднос кладут все, что собрали там: и булабочки, и ленточки, и пряжки, и браслеты, и цепочки, и перчатки; иной все проиграл, что имел при себе, и сестриц обобрал.

«Чей фант вынется, что тому делать?» Началась продажа плодов и разных товаров. Кому с кем можно, те целуются в губы; а кому нельзя, целуйте и ручки. Однако все замечают, что те, которые в губы целуются, не так жадно покупают один у другого; посмотрите, напротив, как прилип этот молодчик к пухленькой ручке: ну, право, он насквозь ее

процелует. Ах, Боже мой, какой же недобрый! Уж и щеки красавицы покрылись румянцем. Слава Богу, она не хочет продавать ему больше — и хорошо сделала: а то другим ничего не осталось бы. «Вам быть оракулом». Его накрывают большим платком, и как удачно он иным предвещает, хотя подходят тихонько, не говорят ни словечка и кладут ему на плечо только руку, — неужели и так узнавать есть возможность?

«Тебе, милая, песенку спеть; а вам, сударь, сказать стишки».

Фортепьяно открыто; прелестные пальчики бегут по клавишам, остановились, она поет:

Мой друг, хранитель — Ангел мой!

О ты, с котор... нет сравненья!

Люблю тебя, дышу тобой;

Но где для страсти выраженья?

«Слышал ли ты, как плутовка скрала конец второго слова во втором стихе?» — говорят подле меня мужчины, — и я не мог понять, что они тут заметили.

Вот уже все перебрали: и зеркалом были, и задавали загадки, и ходили цветами. Начнем другое: приносят вазу с водой, накрывают салфеткою, и всякий бросает туда, кто перстенок, кто сережку, кто колечко, и сальные девушки поют подблюдные песни.

«Скоро быть свадьбе, милая, — говорят старушки, — и жениха Бог даст завидного». «Я не думаю о замужестве», — отвечает закрасневшаяся красавица, и биение сердца ее уведомляет, что она неправду сказала.

Долго продолжают игры; не помню теперь ни одной песни, и все исковеркал; но живо припоминаю многие обстоятельства, хотя более 25 лет прошло после того вечера, о котором пишу.

В другие дни бегали в кошку и мышку. Как любят иные быть мышками, для того чтобы их кошки ловили. Играли в веревочку, наряжались в разные платья, маски. Ах, какие есть смешные рожи! Чрез зеркало смотрели в будущность, и в полночь две свечи, стоящие по сторонам, обращались в два ряда, и за ними являлось обманчивое предсказание.

Опять за вазу с водою, и давай в нее лить воск растопленный, чтоб узнавать судьбу каждого. «Все звезды и кресты, — кричали военному, — вам быть Генералом». «Мне гроб вышел», — говорила задумчивая блондинка.

Мало-помалу выходят из моды старинные Русские обыкновения: в столице я редко встречал сплошные игры — балы их заменяли.

Зимой, а особенно во время Рождественских праздников, в Москве так много балов бывало, что залетные танцоры не успевают везде облетать.

И как согласить со строгою нравственностью то, что молодая девушка остается при людях — глаз на глаз с мужчиной, когда все заняты, каждый своим, и не обращают внимания на посторонних; по крайней мере, так думают те, которые того желают, и долго не прерывается свидание сие. Что можно успеть тут выговорить? И где должно найти случай более удобный? Маменьки! Если вы видите, что дочки не влюблены в котильон, а любят его только за резвость, то он не опасен; но если вы наперед знаете, с кем они танцевать его будут, если замечаете, что разговор его идет не об освещении и паркете, и голос напеваемой песни им нравится; если они отвечают с улыбкою значительной, а еще более если иногда облако задумчивости задерживает веселость их физиономии и закрадывается

томность в их взоры, то берегитесь — враг близко; принимайте решительные меры.

Так празднуют Святки в России. У нас в Эривани многого не было; но тоже громкие песни были слышны повсюду, и кипело веселье шумное: и наряжались, и ломали комедии. В первый же день на Арсенальной площади горел прозрачный щит, и толпы народа, собравшись в тесный круг, вспоминали Россию; и здешние жители опять любовались, и долго бродили толпы близ огней. Чиновники и почетные граждане собирались к Генералу Красовскому: там охотники составляли дуэты, квартеты на гитарах и скрипках, в промежутке гремела полковая музыка и певчие пели.

В первый раз от рождения видит Эривань в маленьком виде Русские балы; были и танцы, но о фигуре котильона Эривань еще не имеет понятия. В Новый год в разных местах крепости раздавался стук барабанов, звуки рогов, гром музыки — и, оживившись, полилось по граду ликование.

Вчера мы праздновали Крещение: от церкви пошли к иордани; выходим за крепость, и на соединении дороги из города неожиданное зрелище мне представилось:

Армянский Архиепископ Нерсес, множество Духовенства, с крестами, образами и хоругвями, присоединились к нашему ходу: тысячи народа следовали за соединенной процессией. Надобно было видеть восхищение Армян. «Бывало ли это у вас прежде?» — спросил я у некоторых. «Нет, — отвечали они, — здесь же, и вообще везде, мы свершали оное в церквях и домах своих». «Рады ли вы?» Все подняли взоры и руки к небу, а некоторые с умилением говорили: «Теперь только мы настоящие Христиане; нам кажется, что мы снова родились».

Миновали мост и подошли к устроенному для служения месту. Великолепный вид: Духовенство в блистательном одеянии, красивое убранство Русских, пестрые толпы, разбросанные по обоим берегам и покрывающие мосты, войско, расположенное на искусственных уступах горы, поддерживающих крепость, — составляли прекрасную картину, несмотря на то что густой снег отнимал большую часть ея прелестей. Знак подан: загрели оружие, троекратное ура разлилось в воздухе, затрещал сильный батальный огонь, и громко вторили звуки, отражаясь от скал.

Крест погружен, и в первый раз освятились воды Занги; быстро неслись в Аракс шумные волны ея, сообщать ему весть о том и святость свою!

(«Отечественные записки». 1828. № 102. С. 380–404.)